

Живу в Санкт-Петербурге (Россия).

1932

Хоть плачь, хоть не плачь, хоть молитвенно требуй,
он мал, сиротлив и нелеп -
последний кусочек последнего хлеба
на белом скоблёном столе.

Давно ли дымился горячими щами
ведёрный печной чугунок,
и странных людей, не чинясь, угощали,
пуская на отчий порог.

А эти без спроса порог преступили,
вилась за плечами зима,
снежинки мучной конфискованной пыли
сметая в свои закрома.

Хоть плачь, хоть не плачь, в полотняной рубашке
лежит в домовине сынок.
А хлеб на столе - опоздавший, вчерашний,
последний, ненужный кусок.

